

куст), то имя собственное связывается отношением номинации с таксономическим субъектом (*Этого мальчика зовут Коля, Имя этого кота — Сусой*). Местоимение *это*, способное вводить имена собственные (*Это — Коля*), по сути своей анафорично. Его действительное употребление предполагает, что адресат видит (знает), к какому классу принадлежит именуемый объект. Если предложение *Это — дерево* отвечает на вопрос *Что это?*, то к сообщению *Это — Коля* такой вопрос не применим. Оно отвечает на вопрос *Как зовут этого человека? Как его имя? Кто этот человек по имени?* Последовательность в развитии предтекста связана, таким образом, не только со спецификой предикатной части сообщений, но и с семантическими особенностями их субъектной части.

Имя собственное не может быть дано предмету вне его отнесенности к естественному роду или классу артефактов. Имена собственные стремятся поэтому к таксономической дифференциации: имена лиц, названия городов, стран, учреждений и т. п. либо следуют разным семантическим или словообразовательным моделям, либо включают в свой состав родовое существительное: *город Горький, улица Горького, Волгоград, Петербург, Москва-река, гостиница Москва, Сретенка (улица), Сретенское (село), Борисоглебская (улица), Борисоглебское (село), Борисоглебск (город)* и т. д. Даже серии имен, даваемых разным родам домашних животных, стихийно дифференцируются, часто ища опору в различительных признаках класса (особенностях их окраски или «прозвишения»): *Буренка* — обычно корова (а не бурая медведица), *Буланка* — лошадь, *Пеструшка* и *Ряба* — курица, *Каштанка* и *Жучка* — собаки (дворяжки), *Мурка* — кошка, *Лайка* — собака, *Машка* — часто коза, а *Алмаз* — не кто другой, как скаковой жеребец. Во времена псовой охоты охотничьим собакам часто давались «науськивающие» клички. Напомним, что в своре Ноздрева были: *Стрелай, Обругай, Порхай, Черкай, Допекай, Припекай*, а в чеховском «Предложении» спор идет о свойствах *Отгадай* и *Укатай*, сына *Запругая* и *Стамезки*.

Любопытно, что имена уникальных предметов мироздания, не вписывающихся (в представлении носителей языка) в естественные роды, воспринимаются скорее как нарицательные, чем как собственные, ср. *солнце, луна, земля*.

Проблема значения собственных имен — предмет постоянных дискуссий логиков и философов — должна, таким образом, решаться с учетом их анафорического статуса, т. е. в связи с той интродукцией, которая обеспечивает их правильное (понятное адресату) употребление.

5

Коротко рассмотрев каждую из предваряющих суждений фаз, мы можем теперь перейти к вопросу о соотношении семантических составляющих конкретного субъекта, обусловленных этими фазами, и выполняемых им коммуникативных задач.

Нет сомнения в том, что экзистенциальный компонент значения субъекта гарантирует суждению отнесенность к миру (или одному из «возможных миров»). Кажется также очевидным, что фаза номинации обеспечивает субъекту выполнение денотативной (идентифицирующей) функции, т. е. функции указания на предмет речи. Участвует ли смысл имени в осуществлении этой задачи?

В последнее время все более настойчиво высказывается мнение, что ни таксономическая, ни идивидуальная часть значения определенных дескрипций (явных или скрытых за именем собственным) не обеспечивает им правильной референции. Уже Б. Рассел обращал внимание на то, что предложения типа *Автор «Гамлета» не написал «Гамлета»* или даже *Автор «Гамлета» не является автором «Гамлета»* могут восприниматься как семантически нормальные и непротиворечивые. И это действительно так, по-